

М.Ю.Мартынов

ОСОБЕННОСТИ АНАРХИЧЕСКОГО ОТРИЦАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА¹

Ключевые слова: анархизм, отрицание, русская языковая картина мира, Бакунин, Кропоткин

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-04-00363 «Языковые параметры философских и поэтических текстов в России и Европе XIX—XX вв.»).

² См. Эльцбахер [Eltzbacher] 2009: 7—8.

³ См., напр. Демьянков [Dem'jankov] 2006.

⁴ Там же: 121.

Анархизм как мировоззрение и одно из течений общественно-политической мысли так или иначе связан с отрицанием. Анархическое отрицание направлено в первую очередь на государство, власть и собственность. Однако отрицание в анархизме не является однородным², и в различных версиях анархизма список объектов отрицания может меняться. В частности, в некоторых из них не отрицается собственность. Пожалуй, только власть и государство выступают неизменными объектами анархического отрицания.

В настоящей статье нас будут интересовать не столько идеологические и политические аспекты отрицания в русском анархизме (хотя и они не будут оставлены без внимания), сколько те его смыслы, которые определяются пересечением языка и культуры. Иными словами, наша основная цель будет состоять в том, чтобы проследить особенности анархического отрицания в контексте русской языковой картины мира. Влияние этого контекста не очевидно, но, как мы постараемся показать ниже, некоторые важнейшие смыслы отрицания в анархизме определяются именно им.

Прежде всего необходимо отметить, что разные языки как бы по-разному чувствуют отрицание и используют его различным образом. В некоторых исследованиях обращается внимание на то, что в русской разговорной речи отрицание употребляется чаще, чем, например, в немецкой, французской или английской³. Справедливость заключения о том, что русский язык обладает более высоким, скажем так, негативным потенциалом, подтверждается и при сопоставлении русских философских сочинений с аналогичными французскими или английскими текстами. Так, в известном произведении Н.А.Бердяева «О рабстве и свободе человека» мы «ни разу не находим утвердительной частицы *да*, но встречаем, тем не менее, *нет*»⁴.

Из этого, конечно, отнюдь не следует, что отрицательный пафос анархизма вытекает из отрицательной материи соответствующего языка; очевидно, что подобный пафос составляет имманентную черту анархизма вне зависимости от специфики конкретных языковых систем и практик. Но, как нам кажется, язык способен усиливать анархическое отрицание, а в отдельных случаях даже порождать некоторые его смыслы.

NB! Сказанное, по-видимому, относится не только к анархическому отрицанию, но к отрицанию как явлению культуры в самом широком смысле. По справедливому замечанию П.А.Сапронова, нигилизм «представляет собой явление далеко не только русское, но, увы, именно в России нигилизм дал самые обильные всходы»⁵.

⁵ Сапронов [Sapronov] 2010: 5.

Как подчеркивает Н.Д.Арутюнова, одним из ключевых понятий русской культуры является *правда*⁶. О том же пишет и А.Вежбицкая. Указывая, что «правда как существительное — уникальное русское понятие»⁷, она рассматривает ключевые параметры *правды*, обращая внимание, в частности, на то, что для русской культуры характерно однозначное противопоставление: говорить правду — это хорошо, не говорить правду — плохо. Со словами «искренний», «прямой» и выражениями «открытая душа», «душа нараспашку», «душа-человек», «говорить по душам», «отвести душу», «излить душу» связана, как правило, положительная оценка⁸. Между тем «во многих других культурах идея, что хорошо говорить правду, несмотря на обстоятельства и на возможные последствия, могла бы представляться очень странной. Во многих других культурах люди думают, что говорить правду трудно и опасно и что часто легче и лучше говорить то, чего ожидают другие, то, что принято говорить, или даже употреблять готовые конвенциональные формулы»⁹.

⁶ Арутюнова [Arutjunova] 1995: 7.

⁷ Вежбицкая [Wierzbicka] 2005: 475.

⁸ Там же: 492.

⁹ Там же: 485.

Выделяемые Вежбицкой смыслы русской *правды* задают, как нам кажется, важнейшие особенности русского анархического дискурса. Например, в текстах П.А.Кропоткина типичное для анархизма нигилистическое отрицание определяется как «абсолютная искренность», или правдивость. Такое отрицание, по мнению Кропоткина, присуще прежде всего русским нигилистам и отсутствует в чистом виде в Западной Европе. «В России это движение — борьба за индивидуальность — приняло гораздо более мощный характер и стало более беспощадно в своем отрицании, чем где бы то ни было»¹⁰. Нигилист, полагает Кропоткин, убежден, что жизнь современного человека полна лживости и фальши, неискренности. Одинаково лицемерными в его глазах предстают и формы внешней вежливости, и эстетические споры, и брак без любви, и проч. Отказавшись «от условных форм светской болтовни», нигилист выражает свое мнение «резко и прямо, даже с некоторой аффектацией внешней грубоватости»: «С тою же самою откровенностью нигилист *отрезывал* (курсив наш. — М.М.) своим знакомым, что все их соболезнования о „бедном брате“ — народе — одно лицемерие, покуда они живут в богато убранных палатах, на счет народа, за который так болеют душой»¹¹. И здесь принципиально, что нигилист именно *отрезывал*, то есть высказывался максимально искренне — как бы *резал правду-матку*.

¹⁰ Кропоткин [Kropotkin] 1988: 283.

¹¹ Там же: 285.

Нужно отметить, что *правда*, а точнее — *народная правда*, вообще занимает важное место в русском анархическом дискурсе. Русскому анархизму свойственна идеализация общинной народной

¹² Бакунин [Bakunin] 1920: 83.

¹³ Бакунин [Bakunin] 2000: 139. Эту мысль впоследствии до-словно повторит Кропоткин. В «Речах бунтовщика» он тоже заявляет, что «народный инстинкт не ошибается» (Кропоткин [Kropotkin] 2010: 176).

жизни. Народ, с точки зрения анархистов, живет инстинктом, который тянет его «на сторону жизни, на сторону правды»¹². При этом «народный инстинкт никогда не ошибается»¹³. Следуя своему инстинкту, народ безошибочно выбирает дорогу к свободе. Государство и его власть необходимо разрушить, чтобы высвободить естественное начало народного духа, чьи творческие силы способны обновить мир, переустроить его на принципах федерализма и самоорганизации. *Народная правда* играет центральную роль в конструировании анархического идеала безгосударственных общественных отношений.

При объяснении смыслов русской *правды* и истоков резкого противопоставления *правды* и *неправды* (*лжи*) в русской речи Вежибская, в частности, ссылается на статью Б.А.Успенского и Ю.М.Лотмана о дуальных моделях в русской культуре. Согласно изложенной в этой статье концепции, русская культура развивалась на базе крайне поляризованных моделей. И хотя данная работа широко известна, позволим себе привести из нее довольно обширный фрагмент:

«Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные) в системе русского средневековья располагаются в двухполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны. <...> Загробный мир католического западного христианства разделен на три пространства: рай, чистилище, ад. Соответственно, земная жизнь мыслится как допускающая три типа поведения: безусловно грешное, безусловно святое и нейтральное, допускающее загробное спасение после некоторого очистительного испытания. Тем самым в реальной жизни западного средневековья оказывается возможной широкая полоса нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни „святыми“, ни „грешными“, ни „государственными“, ни „антигосударственными“ (курсив наш. — М.М.), ни хорошими, ни плохими. Эта нейтральная сфера становится структурным резервом, из которого развивается система завтрашнего дня. <...>

¹⁴ Успенский, Лотман [Uspenskij, Lotman] 1994: 220.

Система русского средневековья строилась на подчеркнутой дуальности. Если продолжить наш пример, то ей было свойственно членение загробного мира на рай и ад. Промежуточных нейтральных сфер не предусматривалось. Соответственно и в земной жизни поведение могло быть или грешным, или святым»¹⁴.

Приведенные рассуждения, как нам кажется, могут быть использованы и для объяснения различных аспектов русского анархизма. В соответствии с логикой процитированного фрагмента, отсутствующая в русской культуре «промежуточная зона» автоматически делает анархическим любое антигосударственное явление. Анархическим предстает любое несогласие с властью, причем даже в тех случаях, когда это несогласие касается вещей, не относящихся к сфере политического по определению.

Например, в старообрядчестве, среди беспоповцев, существовали так называемые *странники*, или *бегуны*, взявшие на себя *крест*

странства в поисках безгреховного рая. Цель их поисков не имела ни малейшего отношения к анархизму как политической программе. Тем не менее в подобном рода практике некоторые усматривают и политический аспект, исходя из неприятия странниками власти гражданской и церковной, объявленной основателем согласия бегунов старцем Евфимием антихристовой по природе. Бегство от мира интерпретируется как (пассивная) борьба с властью русской церкви и русского государства, то есть как анархическая борьба¹⁵.

¹⁵ См. П.А. [P.A.] 1926.

«Подчеркнутая дуальность» русской культуры может также, на наш взгляд, рассматриваться как одно из объяснений известного парадокса, сформулированного Бердяевым. С одной стороны, Бердяев характеризует Россию как «самую анархическую страну в мире», русский народ — как «самый аполитический народ», а анархизм — как «явление русского духа»¹⁶; с другой стороны, русская государственность видится ему величайшей на планете¹⁷.

¹⁶ Бердяев [Berdjaev] 2007: 15.

¹⁷ Там же: 46.

Крайности русской культуры, как нам кажется, обусловлены и теми ключевыми концептами русской языковой картины мира, которые связаны с пространством и представлениями о нем.

Согласно заключениям Г.Д.Гачева, пространственно-географические параметры играют огромную роль в формировании национальной картины мира. Особенности местности, ее рельеф влияют на способ восприятия действительности. От преобладания тех или иных естественных географических элементов, например возвышенностей, гор или равнин, зависит, как человек воспринимает реальность¹⁸.

¹⁸ Гачев [Gachev] 1994: 63.

На важность представлений об *обширных русских пространствах* обращают внимание многие исследователи. В русском языке есть понятия, схватывающие специфику бесконечных русских равнин и не имеющие аналогов в других языках: «простор», «воля», «удаль», «тоска» и др.¹⁹

¹⁹ См. Булыгина, Шмелев [Bulygina, Shmelev] 1997: 481—490; Шмелев [Shmelev] 2000: 364; Левонтина, Шмелев [Levontina, Shmelev] 2000: 338—347.

Понятие простора занимает одно из ключевых мест в русской картине мира. Простор имеет горизонтальное выражение, и в целом для этой картины мира характерен приоритет горизонтальной ориентации над вертикальной. Об этом пишет, в частности, Гачев, который подчеркивает, что «вертикаль в русском космосе выражена слабо»²⁰. На доминирование в «русском космосе» «равнинного языкового сознания» указывает и Е.С.Яковлева²¹. С «обширным пространством» тесно связаны «воля», «удаль», тяга к крайностям, «размах» и «разгул».

²⁰ Гачев [Gachev] 1994: 63.

²¹ Яковлева [Jakovleva] 1994: 31.

Простор тесно связан также с *тоской*, простор вызывает тоску. Выделяя неизменные составляющие «образа русской тоски», Ю.С.Степанов называет в их числе «равнину» и «снег»²², которые являются свойствами «простора». Но «простор» вместе с тем и утоляет «тоску» с помощью «удали», «размаха», «разгула»²³.

²² Степанов [Stepanov] 2004: 904, 907.

²³ Шмелев [Shmelev] 2000: 357—367.

Связь русской тяги к крайностям с чистым, самодостаточным отрицанием обнаруживают и русские пословицы: «Из нета ничего не скроишь», «Теперь ничего нет, а подожди, так и ничего не будет» и др.

Здесь следует сделать, однако, небольшую остановку, поскольку подобное «чистое» *русское отрицание* вступает в противоречие со знаменитым тезисом М.А.Бакунина: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!»²⁴. Напомним, что этот тезис был сформулирован в последнем абзаце статьи «Реакция в Германии», опубликованной Бакуниным в октябре 1842 г. в «Немецком ежегоднике наук и искусств» под псевдонимом Жюль Элизар. И если сама статья, в свое время наделавшая много шума как в Германии, так и в России, постепенно была забыта, то указанный тезис приобрел широкую популярность среди анархистов самых разных направлений (и не только среди анархистов) и лег в основу известных лозунгов: «Дух разрушения есть дух созидания», «Разрушение есть созидание» и др.

²⁴ Бакунин
[Baikunin] 1935:
148.

Однако позиция Бакунина, как она выражена в этой статье, тоже неоднозначна. С одной стороны, отрицание характеризуется им как нечто самодостаточное и абсолютное и в этом плане вполне соотносимое со специфическими *крайностями* русской культуры. Рассматривая диалектику отрицательного и положительного в связи с политической жизнью Германии, будущий классик анархизма указывает на принципиальные различия между ними. Согласно Бакунину, отрицательное определяет жизнь положительного, то есть подлинным существованием обладает только оно. Положительное, «взятое само по себе, не имеет права на существование; оно приобретает его лишь в той мере, в какой отрицает покой отрицательного»²⁵. В свою очередь, отрицательное возможно только как «безоглядное отрицание», и исключительно в этом виде оно обретает «абсолютное оправдание». С другой стороны, в высказывании «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!» разрушительное отрицание уже не абсолютно, поскольку само по себе созидательно.

²⁵ Там же: 140.

Мысль о том, что разрушение есть созидание, встречается и в других работах Бакунина. Например, в «Кнудо-германской империи и социальной революции» он доказывает, что одним из важнейших условий всякого человеческого развития является бунт. Человек «начал свою историю и свое чисто человеческое развитие актом непослушания и науки, то есть бунтом и мыслью»²⁶.

²⁶ Бакунин
[Baikunin] 1919:
147.

Тезис о том, что разрушение есть созидание, сам по себе далеко не очевиден. Более правдоподобным выглядит утверждение, что разрушение не обязательно предполагает созидание, что разрушение есть разрушение. Как отмечает другой известный представитель русского анархизма А.А.Боровой, «убеждение, столь распространенное и столь легко дающееся, что само дерзание родит свободу, что акт разрушения уже сам по себе есть сущность анархического самоутверждения, находится в зияющем противоречии с основными принципами анархизма»²⁷. Дух разрушения в чистом виде Боровой называет «погромным» и отождествляет со «случайными и бесцельными взрывами толпы»²⁸.

²⁷ Боровой
[Borovoj] 2009:
103.

²⁸ Там же: 20.

Сомнения Борового вполне обоснованны, в связи с чем возникает вопрос о причинах необычайной популярности приведенного выше

²⁹ *Кривенький*
[*Kriven'kijj*] (сост.)
1998, 1999.

высказывания Бакунина. Например, среди 500 документов, собранных в двухтомнике анархистских материалов, эта фраза встречается, по нашим подсчетам, 59 раз в 17 различных вариантах²⁹. Неоднократно она использовалась и в качестве эпитафии к листовкам анархистов. Между тем роль эпитафии в тексте, как известно, заключается в том, что он как бы настраивает все последующее изложение в определенной тональности, а это возможно лишь при условии автоматического считывания его смысла. Иными словами, для многих русских анархистов «разрушение есть созидание» звучит вполне убедительно, и точка зрения Борового скорее исключение, чем правило.

Популярность этого высказывания нельзя объяснить высоким авторитетом Бакунина. Во-первых, ссылка на его автора дается только в 29 случаях, а во-вторых, само понятие авторитета чуждо анархическому мировоззрению. Мы думаем, что убедительность данного тезиса поддерживается некоторыми универсалиями, прописанными в самой культуре и не требующими дополнительных обоснований. Прежде всего, связь разрушения и созидания в определенной форме обнаруживается в жизни народа, связь с которым для русского анархизма, как уже говорилось, чрезвычайно важна. Так, характеризуя «карнавальную пародию», М.М.Бахтин указывает на отсутствие в ней однозначного, чистого отрицания: «отрицая, карнавальная пародия одновременно возрождает и обновляет. Голое отрицание вообще совершенно чуждо народной культуре». Карнавальная смех всенароден, универсален и амбивалентен, то есть «он веселый, ликующий и — одновременно — насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает»³⁰.

³⁰ *Бахтин* [Bakhtin]
1990: 16, 17.

Но одними только смыслами народной культуры контекст бакунинского высказывания не ограничивается — он оказывается еще более широким и восходит к известным мифологическим представлениям о порождающем хаосе: в мифе Космос рождается из Хаоса³¹.

³¹ См., напр. *Степанов* [Stepanov]
2004: 99.

Таким образом, можно констатировать, что отрицание в русском анархизме определяется некоторыми ключевыми концептами (*правда*) русской языковой картины мира. Вместе с тем было бы неправомерно выводить смыслы анархического отрицания исключительно из национальной модели мира, ибо они обусловлены и более широким контекстом. В частности, в основании высказывания «разрушение есть созидание» лежит мифологическое представление о порождающем хаосе, являющее собой своего рода культурную универсалию.

Библиография

Арутюнова Н.Д. 1995. Истина и этика // Арутюнова Н.Д. (ред.) *Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке*. — М. [Arutjunova N.D. 1995. Istina i ehtika // Arutjunova N.D. (red.) Logičeskijj analiz jazyka: Istina i istinnost' v kul'ture i jazyke. — М.].

Бакунин М.А. 1919. *Избранные сочинения: В 5 т. Т. 2: Кнутагерманская империя и социальная революция*. — Петербург, М. [Baku-

nin M.A. 1919. Izbrannye sochineniya: V 5 t. T. 2: Knuto-germanskaja imperija i social'naja revoljucija. — Peterburg, M.].

Бакунин М.А. 1920. Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель // Бакунин М.А. *Избранные сочинения: В 5 т. Т. 3: Федерализм, социализм и антитеологизм*. — Петербург, М. [Bakunin M.A. 1920. Narodnoe delo. Romanov, Pugachev ili Pestel' // Bakunin M.A. Izbrannye sochineniya: V 5 t. T. 3: Federalizm, socializm i antiteologizm. — Peterburg, M.].

Бакунин М.А. 1935. Реакция в Германии // Бакунин М.А. *Собрание сочинений и писем: В 4 т. Т. 3*. — М. [Bakunin M.A. 1935. Reakcija v Germanii // Bakunin M.A. Sbranie sochinenij i pisem: V 4 t. T. 3. — M.].

Бакунин М.А. 2000. Коммунизм // Бакунин М.А. *Анархия и Порядок*. — М. [Bakunin M.A. 2000. Kommunizm // Bakunin M.A. Anarkhija i Porjadok. — M.].

Бахтин М.М. 1990. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. — М. [Bakhtin M.M. 1990. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa. — M.].

Бердяев Н.А. 1995. О рабстве и свободе человека: Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. *Царство Духа и царство Кесаря*. — М. [Berdjaev N.A. 1995. O rabstve i svobode cheloveka: Opyt personalisticheskoij filosofii // Berdjaev N.A. Carstvo Dukha i carstvo Kesarja. — M.].

Бердяев Н.А. 2007. *Судьба России: Опыты по психологии войны и национальности*. — М. [Berdjaev N.A. 2007. Sud'ba Rossii: Opytu po psikhologii vojny i nacional'nosti. — M.].

Боровой А.А. 2009. *Анархизм*. — М. [Borovoj A.A. 2009. Anarkhizm. — M.].

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. 1997. *Языковая концептуализация мира: На материале русской грамматики*. — М. [Bulygina T.V., Shmelev A.D. 1997. Jazykovaja konceptualizacija mira: Na materiale ruskoj grammatiki. — M.].

Вежбицка А. 2005. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. — М. [Wierzbicka A. 2005. Russkie kul'turnye skripty i ikh otrazhenie v jazyke // Zaliznjak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. Kljuचेvye idei ruskoj jazykovoj kartiny mira. — M.].

Гачев Г. 1994. Национальный космо-психо-логос // *Вопросы философии*. № 12 [Gachev G. 1994. Nacional'nyj kosmo-psikho-logos // Voprosy filosofii. № 12].

Демьянков В.З. 2006. Можно ли измерить динамику нарратива? // *Художественный текст как динамическая система: Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П.Григорьева*. — М. [Dem'jankov V.Z. 2006. Mozhno li izmerit' dinamiku narrativa? // Khudozhestvennyj tekst kak dinamicheskaja sistema: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju V.P.Grigor'eva. — M.].

- Кривенький В.В.** (сост.) 1998. *Анархисты: Документы и материалы, 1883—1935 гг.* Т. 1. — М. [Kriven'kij V.V. (sost.) 1998. *Anarkhisty: Dokumenty i materialy, 1883—1935 gg.* Т. 1. — М.].
- Кривенький В.В.** (сост.) 1999. *Анархисты: Документы и материалы, 1883—1935 гг.* Т. 2. — М. [Kriven'kij V.V. (sost.) 1999. *Anarkhisty: Dokumenty i materialy, 1883—1935 gg.* Т. 2. — М.].
- Кропоткин П.А.** 1988. *Записки революционера.* — М. [Kropotkin P.A. 1988. *Zapiski revoljucionera.* — М.].
- Кропоткин П.А.** 2010. *Речи бунтовщика.* — М. [Kropotkin P.A. 2010. *Rechi buntovshhika.* — М.].
- Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.** 2000. Родные просторы // Арутюнова Н.Д. (ред.) *Логический анализ языка: Языки пространств.* — М. [Levontina I.B., Shmelev A.D. 2000. *Rodnye prostory // Arutjunova N.D. (red.) Logicheskij analiz jazyka: Jazyki prostranstv.* — М.].
- П.А.** 1926. Анархические устремления в русском сектантстве XVIII—XIX вв. // Боровой А. (ред.) *Очерки истории анархического движения в России.* — М. [P.A. 1926. *Anarkhicheskie ustremlenija v russkom sektantstve XVIII—XIX vv. // Borovoj A. (red.) Oчерки istorii anarkhicheskogo dvizhenija v Rossii.* — М.].
- Сапронов П.А.** 2010. *Путь в ничто: Очерки русского нигилизма.* — СПб. [Sapronov P.A. 2010. *Put' v nichto: Oчерки russkogo nigilizma.* — SPb.].
- Степанов Ю.С.** 2004. *Константы: Словарь русской культуры.* — М. [Stepanov Ju.S. 2004. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury.* — М.].
- Успенский Б.А., Лотман Ю.М.** 1994. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. *Избранные труды.* Т. 1. — М. [Uspenskij B.A., Lotman Ju.M. 1994. *Rol' dual'nykh modelej v dinamike russkoj kul'tury (do konca XVIII veka) // Uspenskij B.A. Izbrannye trudy.* Т. 1. — М.].
- Шмелев А.Д.** 2000. «Широта русской души» // Арутюнова Н.Д. (ред.) *Логический анализ языка: Языки пространств.* — М. [Shmelev A.D. 2000. «Shirota russkoj dushi» // Arutjunova N.D. (red.) *Logicheskij analiz jazyka: Jazyki prostranstv.* — М.].
- Эльцбахер П.** 2009. *Суть анархизма.* — М. [Eltzbacher P. 2009. *Sut' anarkhizma.* — М.].
- Яковлева Е.С.** 1994. *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия).* — М. [Jakovleva E.S. 1994. *Fragmenty russkoj jazykovoj kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vosprijatija).* — М.].